

— Ничего страшного, мальчишки не такие уж неженки, пусть помедленнее, да мешает, — с улыбкой отозвалась матушка, продолжая рубить мясо. — Кто ж ему виноват, что он такой неловкий — полез через забор и руку сломал.

— Ох, ну и стальные же у тебя нервы, матушка, — покачала головой тётя Юй, сокрушённо цокнув языком.

Фу Кунь выпустил руку Фу Ицзэ, взял таз и направился к выходу.

Сделав всего пару шагов, он почувствовал, как кто-то потянул его за свитер. Обернувшись, он увидел Фу Ицзэ: мальчик выглядел очень напряжённым, его кулачки намертво вцепились в одежду Фу Куня, а голову он боялся даже поднять, всё время глядя в пол.

Фу Кунь попытался прижать таз правой рукой, на которой была наложена шина, чтобы освободить левую и взять Фу Ицзэ за руку, но безуспешно: рука совсем не слушалась. Пришлось продолжать идти:

— Иди за мной, всё в порядке.

— Кунь-цзы, это кто ещё? — раздался чей-то голос.

— Мой младший брат, — тут же ответил Фу Кунь. Голос его прозвучал невероятно гордо. Эти слова — мой брат! — казались ему чем-то потрясающим.

Правда, подумав, он решил, что брат и брат, ничего особенного. В этом доме почти у каждого из семи-восьми детей были братья или сёстры. Фу Кунь слегка поник и вышел из кухни с тазом в руках.

Когда он проходил мимо двери тёти Сюй, кто-то вышел навстречу, и Фу Кунь чуть не врезался в него головой.

— Ты что, танк ведешь? — человек придержал его за голову и рассмеялся.

Фу Кунь поднял взгляд и просиял:

— Брат Ся Фэй!

Это был сын тёти Сюй, Ся Фэй. Он закончил школу и с тех пор всё время сидел дома, так как здоровье у него было совсем слабое — казалось, он пропитался запахом отваров, которые пил каждый день. Каждый раз, проходя мимо их дома, Фу Кунь чувствовал густой аромат лекарств. Впрочем, характер у Ся Фэя был замечательный: в отличие от других больных, он не ходил с кислой миной, а на его лице всегда сияла улыбка.

— Тесто месишь? — Ся Фэй держал стеклянный стакан с тёмно-коричневым снадобьем.

— Угу. Опять лекарство? — от одного запаха у Фу Куня во рту становилось горько.

— Хочешь глоточек? — Ся Фэй протянул ему стакан. — Волшебное зелье.

— Нет уж, — Фу Кунь отчаянно замотал головой.

— Заходи, помогу тебе замесить тесто. Ты со своей рукой до самой ночи провозишься, — Ся Фэй улыбнулся и поманил его в дом.

Фу Кунь снова затряс головой. Матушка каждый раз, когда он заходил к тёте Сюй, наказывала ему не докучать брату Ся Фэю, потому что тот слаб здоровьем. Если матушка узнает, что он заставил Ся Фэя месить тесто, ему точно не поздоровится.

— Да ничего страшного, заходи, — Ся Фэй забрал у него таз и повернулся к комнате: — Чжан Цинкай, меси тесто!

Услышав имя Чжан Цинкай, Фу Кунь больше не колебался. Чжан Цинкай был одноклассником Ся Фэя и проводил у того по пять дней в неделю.

— Чжан Цинкай, помоги мне замесить тесто! — крикнул Фу Кунь вслед.

Сделав шаг, он почувствовал, как его снова кто-то дернул за руку. Только взглянув на Фу Ицзэ, Фу Кунь вспомнил, что привёл с собой ребёнка. Если бы тот не потянул его, он бы так и забыл.

Да, к роли старшего брата ещё надо привыкнуть...

Он взял Фу Ицзэ за руку и повёл его в дом.

— Откуда этот малыш? — Чжан Цинкай помыл руки, поставил таз на стол и принялся за тесто.

— Мой брат! — снова гордо и громко ответил Фу Кунь, забыв, что минуту назад считал это чем-то обыденным. Он обернулся к Фу Ицзэ и улыбнулся: — Ицзэ, поздоровайся с братьями.

Фу Ицзэ посмотрел на Ся Фэя и Чжан Цинкай, опустил голову и промолчал.

— Ицзэ? — рассмеялся Ся Фэй.

— Фу Ицзэ. Ицзэ называть как-то привычнее, — Фу Кунь посмотрел на замершего мальчика и вздохнул: если тот всегда будет таким, с ним будет ужасно скучно.

Когда матушка начала лепить пельмени, Фу Кунь потянул Фу Ицзэ к столу:

— Умеешь лепить? Это весело, хочешь научу?

Фу Ицзэ посмотрел на начинку, сглотнул слюну и кивнул.

— Смотри. — У Фу Куня сразу загорелись глаза. Обычно у него не было возможности кого-то учить, кроме как драться или убегать.

— Руки помой, — матушка отшлёпала его по рукам, а потом посмотрела на Фу Ицзэ: — Ицзэ,

тебе не жарко? В комнате тепло, давай снимем ватную куртку, а?

Фу Ицзэ в нерешительности кивнул.

— Помоги брату раздеться, у меня руки в масле, — скомандовала матушка, ловко работая пальцами.

Фу Ицзэ покосился на загипсованную руку Фу Куня и, увернувшись от его помощи, сам начал расстёгивать пуговицы. Когда он снял куртку, Фу Кунь увидел, что под ней надет лишь старый трикотажный свитер, перешитый из рабочих перчаток. Мальчик показался ему таким жалким — хотя сам Фу Кунь носил свитер, который матушка связала из распущенной старой кофты батюшки, это было куда теплее, чем тонкое трико. Неудивительно, что Фу Ицзэ не снимал куртку, даже если ему было жарко.

— Кунь-цзы, в том шкафу, где лежат наши с батюшкой вещи, есть свитер для Ицзэ. Сходи принеси, в этой кофточке он замёрзнет, — сказала матушка, не переставая лепить пельмени.

— Свитер? — удивился Фу Кунь. Ему-то новые вещи покупали только на день рождения или Новый год. — Когда купили? Почему я не знал?

— А какая разница, знал ты или нет? Это не тебе. Иди принеси.

В шкафу лежал большой пакет с кучей детской одежды. Фу Кунь достал жёлтый свитер, приложил к себе и пробормотал:

— Действительно, не мне.

Фу Ицзэ надел обновку. На фоне жёлтого цвета его кожа казалась особенно бледной, а сам он — ужасно худым. Пока он был в куртке, этого не было заметно, но теперь всё стало очевидно. Фу Кунь принёс горячую воду из печи в коридоре, вылил её в таз и сказал:

— Ицзэ, у тебя, наверное, всё мясо ушло в лицо, такое оно круглое, а без одежды — одни косточки...

Фу Ицзэ подошёл, опустил руки в таз и начал старательно их мыть, не проронив ни звука. Фу Кунь присел рядом, с интересом наблюдая за его пальцами. Руки у Фу Ицзэ, как и лицо, были пухленькими. Раньше Фу Куню казалось, что держать их за руку очень приятно, потому что они такие мягкие, и сейчас он не удержался и пощупал их:

— Классно.

— Раз появился младший брат, тебе теперь ничего делать не надо, только на него и смотреть, — засмеялась матушка.

— Я должен учить его лепить пельмени, — Фу Кунь опустил левую руку в таз и побултыхал водой. — Ицзэ, потри мне руки.

Фу Ицзэ кивнул, обхватил его ладонь и начал тереть своими пальчиками.

— Ой, — не успел он и пары движений сделать, как Фу Кунь рассмеялся и отдернул руку. — Ты что, щекочешь меня? Ладно, пойдёт.

Фу Кунь встал у стола, Фу Ицзэ — рядом с ним, едва дотягиваясь до столешницы.

— Бери кружочек теста, — Фу Кунь приступил к обучению со всей серьёзностью. — Клади на ладонь.

Фу Ицзэ натянул рукав, взял тесто, положил на руку и поднял на него глаза.

— Клади начинку... — Фу Кунь подумал, что ребёнок может не рассчитать, и решил сам подцепить палочками немного фарша. — Давай я помогу.

Фу Ицзэ посмотрел на тесто с начинкой на ладони, затем снова на Фу Куня.

— Лепи, — указал Фу Кунь. — Сложи пополам, защипни посередине... Угу, а теперь края к центру... Вот так, да, крепко прижми.

Фу Ицзэ очень сосредоточенно следовал инструкции. Хотя движения были медленными и неуклюжими, в итоге у него получился вполне приличный пельмень.

Фу Кунь не ожидал, что успех придёт так быстро, и радостно хлопнул по столу:

— Мам, смотри! Получилось! Видишь, как я учу!

— Неплохо, — улыбнулась матушка. — Ицзэ такой умница, так красиво слепил, даже лучше, чем у тебя.

Фу Кунь обычно не реагировал на похвалы матери в адрес других — в конце концов, ему за счастье было не получить нагоняй, — но сейчас, когда его ученик справился с задачей, он был на седьмом небе от счастья.

Фу Ицзэ молчал, на лице не дрогнул ни один мускул, он лишь продолжал смотреть на пельмень в своих руках.

— Ну что, научился... — начал было Фу Кунь, но осёкся.

Фу Ицзэ ещё немного поразглядывал пельмень, а потом внезапно засунул его в рот.

Фу Кунь несколько секунд пялился на него, а потом заорал:

— Ты что делаешь?!

Фу Ицзэ испугался этого крика, в панике, с пельменем во рту, начал пятиться назад, пока не упёрся спиной в стену.

— Ой, золотко моё, ты чего, сырой ведь! — матушка тоже вскрикнула, бросила тесто, вытерла руки о фартук и, подбежав, обняла мальчика. — Недоваренный же, выплюнь, а то живот

заболит.

Фу Ицзэ посмотрел на руку матушки, протянутую к нему, не посмел выплюнуть, но после окрика боялся и проглотить — так и замер с набитым ртом.

— Чего ты орёшь? Ребёнка напугал! — матушка обернулась и гневно прикрикнула на Фу Куня, понизив голос. — Ишь, шустрый! Когда ты в таком возрасте жуков с земли ел, я так не кричала!

— Да я не нарочно, я в первый раз вижу, чтобы ели сырые пельмени, как тут не удивиться! — обиженно прошептал Фу Кунь. — И когда это я ел жуков?!

— Ой, ну надо же, с появлением брата он даже удивляться научился, — матушка не обратила на него внимания и потыкала пальцем в раздутую щеку Фу Ицзэ: — Ицзэ, выплюнь, хорошо? Давай выйдем на улицу и выплюнем?

Пока матушка выводила Ицзэ, чтобы тот выплюнул пельмень, вернулся батюшка с огромным пакетом продуктов. — Батюшка! — Фу Кунь услышал шаги отца, выскочил за дверь и сразу же разглядел в его карманах и в руках самолётные крылья. — Самолёт купил?

— И ещё электрический поезд, — батюшка присел на корточки рядом с Фу Ицзэ. — Ицзэ, ты меня помнишь?

Фу Ицзэ немного отпрянул назад и снова уставился в пол.

— Заходи в дом, старый Фу, — матушка потянула батюшку за рукав. — Все же смотрят.

Войдя в дом, батюшка пытался рассмешить Фу Ицзэ самыми разными игрушками, но так и не смог добиться от него ни звука, не говоря уже о том, чтобы услышать отцовское «папа».

— Не торопи события, — матушка ловко залепила остатки фарша двумя кусочками теста, слепив маленькую мышку. — Давай постепенно. Он боится чужих: захочет — назовёт, как захочет — так и назовёт.

— Сяо Шучинь, — Фу Кунь сидел за столом, подперев подбородок рукой (Сяо Шучинь звали матушку), — вари пельмени, я умираю с голоду.

— Фу-собачонок, нарываешься на неприятности? — матушка бросила на него грозный взгляд и с тарелкой пельменей направилась на кухню.

— Пап, — Фу Кунь развернулся на стуле, упершись руками в спинку и раскачиваясь вперёд-назад, — Ицзэ, похоже, не любит такие игрушки.

Фу Ицзэ почти не взглянул на вещи, которые батюшка по очереди раскладывал вокруг него, лишь опустив голову и разглядывая собственные пальцы.

— А тебя это вообще не касается, сколько тебе лет? — батюшка бросил на него взгляд. — Раскачивайся, раскачивайся, рухнешь — снова наложу шину на левую руку, для симметрии.

— Сколько мне лет? Мне же всего-то в четвёртом классе! Я к тому, что раз он не любит играть, я помогу... — Фу Кунь не успел договорить, как стул, к радости батюшки, опрокинулся вместе с ним. Он торопливо выставил перед собой левую руку, успев опереться о пол до того, как

шлёпнуться носом в грязь. Продержавшись так несколько секунд, он поднял голову и гордо посмотрел на батюшку: — Видишь? Не сломал!

— Эх, какое разочарование, — скосив глаза, отозвался батюшка. — Теперь ты старший брат, веди себя как положено старшему брату!

И то верно, теперь он старший брат.

Раньше Фу Кунь мечтал, чтобы у него появилась младшая сестрёнка, которая ходила бы за ним по пятам и канючила: братик, братик, — как у Сунь Вэя. Это казалось таким крутым.

Сегодня он понял, что если сестрёнки нет, то сойдёт и такой симпатичный младший братик, но теперь он понемногу начал осознавать: быть старшим братом — сплошное наказание. Новой одежды ему не перепало, игрушек тоже, и при этом обязательно нужно вести себя как старший брат...

— С чего бы мне так радоваться этой роли старшего брата, — Фу Кунь поджал губы, поднялся и принялся отряхивать штанины.

— Что за глупости говоришь! — батюшка подошёл и щелкнул его по лбу.

— Ай! — Фу Кунь схватился за лоб. Отец уже больше десятка лет крутил баранку автобуса, ежедневно ворочая тугой руль, так что рука у него была тяжёлая. — Голова раскололась!

Фу Ицзэ поднял голову, и стоило Фу Куню взглянуть на него, как у него вмиг пропало желание шуметь.

В глазах у этого малыша вот-вот готовы были сорваться с ресниц слёзы.

— Эй, я же говорю, быть старшим братом — это здорово! — Фу Кунь, потирая лоб, подошёл к нему. — Очень здорово...

Слёзы покатались из уголков глаз Фу Ицзэ, прочертив две блестящие дорожки по его круглому лицу. Фу Кунь тут же запаниковал: позабыв обо всём остальном, он бросился вперёд, обнял Фу Ицзэ и прижал его лицо к своей груди — не дай бог батюшка увидит, а не то ведь и впрямь ещё раз врежет.

— Ицзэ, умничка, пойдём, я покажу тебе, как варятся пельмени! — Фу Кунь обхватил Фу Ицзэ за голову и потащил к выходу, а тот спотыкался на ходу под его напором.

— Нормально иди! — прикрикнул батюшка, указав на него пальцем.

— Угу! — откликнулся Фу Кунь, но хватку не ослабил. Вытащив Фу Ицзэ за дверь, он наконец отпустил его и шёпотом произнёс: — Ты чего всё время ревёшь? Перестань плакать, я же тебя не бил!

Фу Кунь подумал, не сказать ли ещё каких-нибудь мягких слов, но когда Фу Ицзэ поднял голову, он заметил, что слёзы в его глазах уже высохли. Круглые глаза смотрели на него с живым блеском:

— Пельмени.

— А? — Фу Кунь опешил. Уже выплакался?

Пельмени, которые слепила матушка, оказались как всегда восхитительно вкусными. Фу Кунь уплел их за обе щеки, вот только пельмешек-мышь матушка положила в тарелку Фу Ицзэ, хотя раньше всегда доставалась ему.

Фу Ицзэ, должно быть, проголодался: он уткнулся лицом прямо в чашку, увлечённо уплетая пельмени, ни разу не подняв головы, а на лбу и кончике носа выступила мелкая испарина.

Радость от роли старшего брата — вместе с одеждой, игрушками и пельменем-мышкой — мало-помалу улетучивалась, но озвучить это вслух он не смел: во-первых, боялся нагоняя от родителей, а во-вторых, опасался готовых пролиться в любой момент слёз Фу Ицзэ.

— Ицзэ, — матушка погладила Фу Ицзэ по голове. — Ешь медленнее, теперь я буду каждый день готовить тебе что-нибудь вкусненькое.

Фу Ицзэ, опустив голову, запихнул в рот пельмень, а когда прожевал, поднял взгляд и, немного помедлив, тихо-тихо произнёс:

— Спасибо, тетя.

Хотя это обращение «тетя» было совсем не тем, чего она ждала, всё же это были первые слова, сказанные мальчиком с тех пор, как он переступил порог их дома, поэтому матушка радостно улыбнулась:

— Да за что же ты благодаришь? Ты для нас с братом родной, тут и благодарить не за что. Посмотри на своего брата — он доел и даже не подумал меня поблагодарить. — Благодарить не переблагодарить, — Фу Кунь облизнул губы и вытер их тыльной стороной ладони. — Завтра давай поедим лапшу с соусом чжацзян.

— Руки протри как следует! — нахмурилась матушка.

Фу Кунь с готовностью вытер ладони о штаны:

— Всё, чистые.

Квартира у них была маленькая, всего две комнаты. Батюшка отгородил в гостиной небольшое пространство с помощью досок — это была спальня Фу Куня. Хотя комната была самой простой и вмещала лишь кровать да маленький письменный стол, для детей из их жилого дома, которым приходилось ютиться в одной комнате с родителями, это было предметом зависти.

Однако с сегодняшнего дня в этом маленьком мирке Фу Куня он был уже не один.

Батюшка заказал кому-то самодельную двухъярусную кровать, но доставят её только через некоторое время, так что пока ему приходилось делить одну кровать с Фу Ицзэ.

Фу Кунь понял, что когда мечтал о младшей сестрёнке, совершенно не подумал о последствиях! Он и представить не мог, что, став старшим братом, лишится половины своей кровати и своего маленького личного пространства...

Он смотрел, как матушка дала Фу Ицзэ лекарство от простуды, уложила его в постель, раздела и укрыла одеялом. На душе у него было очень паршиво.

— Кунь-цзы, иди сюда, — сказала матушка, когда закончила возиться с Фу Ицзэ, и позвала его во внутреннюю комнату.

Фу Кунь встал у окна, с недовольным видом глядя на улицу:

— Чего ещё?

— Снова дуешься? — матушка улыбнулась и достала из шкафа пакетик шоколадных шариков «Майлису». — Разрешаю тебе съесть целую пачку втихаря.

— Не буду! — Фу Кунь упёрся, но всё же искоса поглядывал на матушкины руки. Обычно она не позволяла ему много есть сладостей, особенно на ночь, не говоря уже о целой пачке.

— Правда? Целую пачку, а? — матушка вскрыла упаковку и протянула её ему.

— Так явно показываешь, что отдаёшь предпочтение другому, а теперь пытаешься меня подкупить? — Фу Кунь продолжал упорствовать.

— Будь же благоразумнее, тебе уже одиннадцать лет, — матушка вложила пакетик ему в руки.  
— А ему всего шесть, он только в первом классе...

— Он в первом классе? — удивился Фу Кунь, закинул в рот несколько шариков из пакета и с удовольствием захрустел. — Он такой крошечный, я думал, он ещё в подготовительную группу ходит.

— Он только попал в наш дом. Даже если я и хочу относиться к вам обоим поровну, это будет потом, понимаешь? Сейчас ему нужно почувствовать себя в безопасности и постепенно привыкнуть к нашему дому, — терпеливо объяснила матушка.

Фу Кунь понял это лишь отчасти, но раз есть что пожевать, то и ладно:

— Понял. Значит, вы с батюшкой сейчас на его стороне, а потом уже будете относиться ко мне как раньше. Сейчас он — родной сын, а я нет, стану родным только через какое-то время.

— Какой же ты противный, — матушка хлопнула его по плечу. — Быстро чистить зубы и спать! И не вздумай прижимать его рукой во сне!

Фу Кунь, набив рот сладостями, направился к выходу, бормоча себе под нос:



— Это я-то не буду прижимать? А вот если он сам ко мне прижмётся — это уж как получится...

На кровати не помещалось два одеяла, поэтому Фу Ицзэ пришлось спать под одним с ним.

Укладываясь, Фу Кунь заметил, что Фу Ицзэ лёг на самый край, практически вжавшись в стену, оставив ему кучу места.

— А ты, оказывается, почти не занимаешь места, — Фу Кунь с трудом разделся и нырнул под одеяло. — Ох, как же меня бесит эта перегородка.

Фу Ицзэ молчал и не двигался, закрыв глаза, словно уже спал.

Фу Кунь посмотрел на его подрагивающие ресницы:

— Ицзэ, ты притворяешься спящим, да?

Фу Ицзэ не ответил, но ресницы задрожали ещё сильнее. Фу Кунь развеселился и легонько коснулся их пальцем:

— Длинные, однако.

Фу Ицзэ резко повернулся на другой бок, свернувшись калачиком лицом к стене.

Фу Кунь хотел было подразнить его ещё немного, но раз тот так не настроен на общение, пришлось сдаться. Он выключил свет и лёг поудобнее.

В темноте Фу Кунь быстро начал клевать носом. Он уже почти заснул, как услышал, что Фу Ицзэ тихонько позвал его:

— Брат.

— А? — сонно отозвался он.

— Почему ты ешь жуков?

— А? Каких ещё жуков? — Фу Кунь был сонный и никак не мог сообразить, о чём спрашивает Фу Ицзэ.

— Ты собирал жуков и ел их, — прошептал Фу Ицзэ.

Из-за простуды в его голосе слышался носовой оттенок, и когда он прошептал это прямо на ухо, Фу Куню стало щекотно, будто волосы коснулись уха. Он не удержался и засмеялся.

Он хихикал довольно долго, пока сон окончательно не улетучился, а в памяти не всплыло, о чём идёт речь. Он повернулся на бок:

— Это были кузнечики. Я их не ел, просто выгуливал. Это Сунь Вэй у нас такой, словно с голодного края, вечно их трескает.

— А они вкусные? — Фу Ицзэ сглотнул слюну.

— Вкуса в них почти нет. Я съел всего одну лапку, — Фу Кунь задумался. — Зажарил над спичкой и съел, а Сунь Вэй их сырыми грызёт... Слушай, Ицзэ, я тебя не спрашивал, а ты почему ешь сырые пельмени?

Фу Ицзэ промолчал.

<http://bllate.org/book/21935/2278926>